

СВЯТЫЙ
8

АВРАМЪ

Делай по силе и не считай своих добродетелей

В этом году исполнилось 200 лет со дня рождения и 130 лет со дня кончины преподобного Анатолия Старшего (Зерцалова; 6/18.03.1824–25.01/6.02.1894), иеросхимонаха, духовника Оптиной пустыни, вошедшего в Собор 14-ти преподобных Оптинских старцев. О том, каким был преподобный Анатолий, какое духовное наследие он оставил, рассказывает игумен Филипп (Перцев), иконописец Оптиной пустыни, изучивший житие старца и написавший его икону.

— *Ваше Высокопреподобие, отец Филипп, расскажите, когда вы написали икону преподобного старца Анатолия и как это произошло?*

— Так случилось, что в 1996 году мне выпало писать икону старца Анатолия к прославлению, а потом и большой образ на раку над его мощами. И с тех пор он мне стал особенно близок. Отец Анатолий был удивительным старцем! Он жил бок о бок с преподобным Амвросием Оптинским, был его учеником и другом и после кончины старца Амвросия перенял от него служение старчества. Прожил после этого преподобный Анатолий всего три года, поэтому его личность уходит в тень великих старцев. Материалы к его житию, собранные преподобным Варсонофием Оптинским (Плиханковым), были переданы писателю протоиерею Сергию Четверикову († 1947; с 1942 года иеромонах) и, к сожалению, погибли при его аресте в первые годы революции. Этот известный духовный писатель часто приезжал в монастырь, он написал много книг, в том числе «Оптина пустынь», «Преподобный старец Амвросий» и про молитву Иисусову «На высотах духа». В 1920 году он эмигрировал и на чужбине принял постриг в схиму. В 1909 году протоиерей Сергей издал «Письма иеросхимонаха Анатолия» со своим предисловием, в котором обещал в ближайшее время издать и житие старца. Впоследствии житие отца Анатолия в основных чертах было восстановлено, но сведения о чудесных случаях и многие другие свидетельства утеряны.

— *И тем не менее это был настоящий Оптинский старец.*

— Несомненно. Он принадлежал к племени «великих» и был отцом старцев. Преподобный Варсонофий только ему обязан своим становлением. Он говорил: «Я двери кельи старца Анатолия готов был целовать». Многим обязан ему и старец Нектарий: «Двадцать лет я к нему относился и был последним его сыном и учеником, о чем до сих пор плачу». Многие шамординские сестры остались в монастыре после кончины старца Амвросия только благодаря старцу Анатолию, который сыграл огромную роль во внутреннем становлении Шамординского монастыря. Мать София, первая настоятельница обители, говорила: «Он не отец, а нежная мать своим чадам». И если старца Амвросия она называла «великим», то батюшку Анатолия «большим» и «нашим апостолом». Старец Амвросий не мог часто приезжать в общину, им созданную, и многие вопросы разрешал отец Анатолий.

— *Какой у него был характер?*

— Мы сейчас именуем его Старшим, в отличие от преподобного Анатолия (Потапова), прославленного позже. И действительно, даже внешне старец Анатолий (Зерцалов) выглядел очень внушительно: высокого роста, с крепко сбитой фигурой. Он и по духу был мужественным воином, но с очень милостивым, нежным сердцем. Подвиг аскетический чаще всего вырабатывает в духе подвижника суровость, строгость во всем, а у старца Анатолия видим живое

Преподобный Анатолий Оптинский. Икона написана в 1995 г. к канонизации святого. Автор иеромонах Филипп (Перцев) (слева)

*Иеромонах
Анатолий
(Зерцалов),
скитоначальник,
братский духовник.
1876 г.*

сердце, источник снисхождения и детской простоты, кротости.

— Вы говорите «видим» — а откуда это видно? Что вы имеете в виду?

— Мы можем судить о старце только по письмам. Многие из них, как я уже говорил, утеряны вместе с житием, но много и сохранилось. Эти письма хочется читать и перечитывать. В них много советов, поддерживающих пребывающих в унынии, наставляющих в молитве. Еще более привлекательна уникальная духовная бодрость писем. Это ритм, идущий от молитвы, и очень живая интонация, умащающая и улаждающая душу, словно мед духовный. Эпистолярный жанр в оптинской традиции был очень развит еще со старцев Льва и Макария. Какие замечательные письма у батюшки Амвросия! И тем не менее письма отца Анатолия выделяются. Они более краткие, емкие, но о многих известных истинах в них говорится так, что поражаешься новым граням открывшихся смыслов. И чувствуешь, что беседуешь с живым человеком, каждое слово которого тебя и удивит, и духовной радостью всего обольет. А это редкий дар.

— Как отец Анатолий выбрал монашеский путь?

— Алексей Копьёв (так звали отца Анатолия в миру) родился в 1824 году в семье диакона в селе Бобыли, рядом с Пафнутьев-Боровским монастырем в Калужской губернии. Он в числе лучших окончил сначала Боровское духовное училище, а затем и Калужскую семинарию. Существовала традиция будущим священникам давать звучные, «говорящие» фамилии, и прежнюю Копьёв Алексею изменили на Зерцалов. В то время принятие монашества семинаристами было исключительным явлением, но Алексей, несмотря на господствующие взгляды, мечтал о монашестве, однако вступить на эту стезю сразу не решился. Шесть лет он отслужил в казенной палате губернского правления. Вскоре после поступления на службу юноша заболел туберкулезом, в те времена эта болезнь считалась смертельной. Два его товарища-чиновника, заболевшие в то же время, вскоре скончались. И юноша дал обет в случае выздоровления поступить в монашескую обитель. На удивление всех, он стал быстро поправляться. Недуг был побежден. Он отказался от службы. «Любящему Бога всё поспешествует во благо» (см. Рим. 8, 28), и в 1853 году Алексея с любовью принял в скиту Оптиной пустыни преподобный Моисей, настоятель обители, при котором зародилось старчество.

Алексей поступил в Оптину пустынь 29 лет от роду. Тогда братию духовно окормлял преподобный Макарий (Иванов). Почувствовав в нем необычайную духовную силу, послушник Алексей полностью отдал себя в научение старцу. Даже в Оптиной пустыни далеко не все стремились стать учениками. Жизнь в монастыре была нелегкой. Алексея определили на сложные послушания на кухне. Он целый день таскал мешки с мукой, размешивал тесто и раскатывал его вручную, благо физических сил хватало. А под вечер, когда все шли отдыхать, он приходил на откровение к старцу. Просиживал подолгу, ожидая очереди, а после шел в келью, где, как сам он вспоминал, спать ему приходилось до ночной службы иногда всего-то часа два-три. Тем не менее он не отказался от каждодневного хождения в скит на откровение помыслов. Мы в монастыре знаем, что такое каждый день все о себе пересказывать духовнику, какую пользу это приносит. Сначала приходишь в недоумение: чего же я буду говорить-то? А со временем

Преподобный
Макарий
Оптинский

начинаешь видеть в себе малейший оскверняющий душу помысл, ничтожнейшее лукавство или самооправдание.

— *Высоту духовного роста старца Анатолия определило это послушание, упорство и последовательность в подвиге?*

— Во многом. В духовной жизни, кроме решительности, терпения и постоянства, очень важно не доверять себе, постоянно учиться и, даже если все кажется понятным, спрашивать духовника. Мы принимаем к богатейшей традиции, и силы наши слишком немощны, чтобы постичь ее громаду. Нужен постоянный совет, нужно благоговение. Опытный духовник должен держать руку на твоём пульсе, потому что человека время от времени «переклинивает». Очень трудно удержать в подвиге золотую середину. Человек, как необъезженная лошадь, то мчится во весь опор, то плетется еле-еле. Мы в себе столько «тупиков» носим, что одним не справиться.

Старец Макарий воспитывал своих учеников строго, по авве Дорофею, старался все в деталях объяснить. Это и в письмах его есть, они суховатые, но очень глубокие. Он привлек Алексея, которого к тому времени уже постригли и рукоположили, к издательской деятельности. Оптинский скит стал своеобразной академией, где Господь собрал нескольких образованных монахов: будущий старец иеромонах Амвросий, иеромонахи Ювеналий (Половцев; † 1904), Леонид (Кавелин; † 1891) и Платон (Покровский; † 1889). Позднее к ним присоединились отцы Порфирий (Григоров; † 1851), Климент (Зедергольм; † 1878), Агапит (Беловидов; † 1922), которые переводили и готовили к изданию книги святых отцов: аввы Дорофея, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, аввы Исаии Отшельника, аввы Фалассия, Феодора Студита, аввы Орсисия Тавеннисийского. Произведения преподобных Исаака Сирина, Варсонофия и Иоанна и других отцов ранее были уже переведены с греческого старцем Паисием (Величковским), но подготовка к изданию рукописи — это огромная работа, требующая многих уточнений и исправлений.

Благодаря оптинским изданиям в середине XIX века многие увидели, что в Церкви, кроме отправления обрядов, есть и мощная литература, во многом опередившая искания более

поздних европейских философов, ставившая перед человеком не только вопросы богопочитания и аскетических ограничений, но и призывавшая к духовному совершенству. Разбирая переводы, старец Анатолий объяснял ученикам тонкости смысла высказываний отцов. Об этой удивительной школе с восхищением писал архимандрит Леонид (Кавелин): «Как щедро мы награждены были за наши малые труды! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши! Это — объяснения старца на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и воспросить его. А если бы дерзнул, то несомненно получил бы смиренный ответ: "Я не знаю сего; это не моей меры. Может быть, ты достиг ее, а я лишь знаю: даруй ми, Господи, зрети моя согрешения! Очисти сердце, тогда и поймешь"». То есть старец Анатолий при разборе рукописей и текстов переводов входил в рассмотрение таких трудных мест в писаниях отцов, о которых его никто не решился бы спросить. И смирение старца было столь высоко, что, если бы кто и решился его спросить о подобных местах, он бы уклонился от ответа, ссылаясь на то, что понимание таких вопросов выше его меры.

Иеромонах Анатолий Оптинский. 1878 г.

Выдержки из писем преподобного Анатолия

«...Умом блуждаешь, вот и делается тебе скучно. А молитва Иисусова веселит сердце... Что живешь плохо — не унывай, а смирайся, и Господь презрит на смирение твое паче подвигов великих и несмиранных».

«...Твое послушание самое дорогое и самое легкое: принимай укоризны, как достойная их, а за укоряющих моли Бога... Это послушание тем еще дорого, что не видно для других и гораздо ближе других послушаний стоит ко смирению».

«...Видишь, как ты мудрствуешь: “Я ничего не делаю — чем спасуся?” Да разве нас могут спасти наши ничтожные добродетели? Разве не помнишь слова Божия: “Вся правда человека пред Богом есть рубище жены нечистой” (см. Ис. 64, 6). Ищи-ка лучше милости у Владыки нашего, а не платы за труды. И спасешься скорее, чем неразумные труженики... Делай по силе; и не цени своих

заслуг, не считай своих добродетелей, а зри и счисляй свои немощи да грехи, и Господь тебя не оставит никогда».

«...Мир обитает лишь в мертвенной плоти нашей. И это и есть истинный мир, мир Иисусов, мир, всяк ум превосходящий. И потому не дивись, если я, тебя любящий, не печалуюсь, слыша, что ты недугуешь и страдаешь от сестры. Правда, мне жаль, что ты болишь, но вместе и не жалею духом, зная на верное, что твои скорби — для тебя сокровище вечное».

«Кто от каких скорбей унывает, а мы, сестра, несем скорби собственного сочинения. Нам все хочется на клирос, а Господу хочется, чтоб мы смирились и походили бы на Него, Смиренного и Кроткого, и понесли бы подобно Ему скорби, не такие, какие Он нес, а маленькие, в тысячную долю; а мы совсем не хотим Божию, а чтоб непременно было — хоть хуже, да наше. А Господь нигде не сказал, что любит здоровых девиц да хороших певиц. А кого же Он любит? Кротких! “На кого воззрю? — говорит Он. — Токмо на кроткого, и смиренного, и трепещущего словес Моих”». «Господь Спаситель наш зовет, учит, угрожает — а мы что? Мы себе почиваем на одре лени и самоугождения, а о спасении и думать забыли. Некогда! Надо то пороптать, то поспать, то поосуждать других. А других-то много. Вот и некогда подумать о душе своей да о вечности».

«Будь готова встретить скорби. Ибо всем, кому слюбится Иисусова молитва, враг не ответит без отмщения, но непременно научит или старших, или младших, а уж пакостей непременно натворят». «Молитву умственно держать можно и по болезни, и по немощи, и по случаю народа, и в службе... Ты старайся держать мысль с Иисусом не в голове собственно, а направляя несколько к персям. Тогда, конечно, грудь заболит, но без этого нельзя. “Бог наш — огонь поядая есть” (см. Евр. 12, 29), а где нечисто, там и больно. Такая боль за недостойнство посылается, но со временем пройдет».

«Пока не смиримся и не умилостивим Бога — хоть лоб об пол поклонами разбей, страсти не умялятся».

«Сказываю тебе самое лучшее средство обрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть. И ждать день и ночь милости от Всемилостивого Спаса. Кто так ждет, непременно получит».

«Начни со смирения, делай со смирением и кончай смирением, и вчинишься со святыми. Это путь самый надежный и непоколебительный. Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех?»

«На что велик пред Богом св. Исаак Сирий, и тот говорит: “Кому не тяжело время, в неже напояется человек ядом искушений?” Посему и ты попищи, попищи, да и помолчи. Пройдет! Ей, пройдет и не вспомнянется. А плод этих болезней возрастет, созреет, украсится. Как же сладок будет он! Как благононен! Как заблестит всеми цветами радуги, всеми красотами драгоценных камней! Каждая капля, каждый вздох тысящекратно вознаградится... Потерпи Господа, мужайся!»

— Так отец Анатолий стал выпускником оптинской «школы богословия», знатоком святоотеческой традиции?

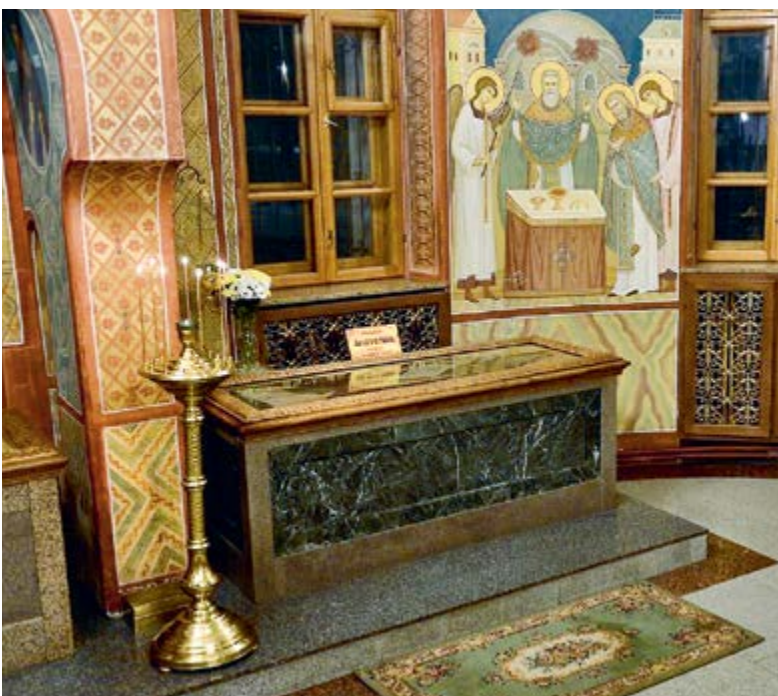
— Да. Одно дело — когда человек просто читает, и совершенно другое — когда он работает над текстом. Тем более, когда этот текст обсуждается опытными в духовной жизни людьми. Однако одна теория не спасает — только говорить о смирении мало. Старец мудро подвергал души учеников реальным испытаниям. Так, однажды в Оптину пустынь приехал архимандрит Игнатий (Брянчанинов), будущий епископ и святитель, который, пообщавшись с братией, хотел увидеть монаха, который всерьез занимается Иисусовой молитвой. И все указали ему на иеродиакона Анатолия. Они долго беседовали, и после этого отец Анатолий пошел к отцу Макарию, чтобы все рассказать старцу. А старец шел, окруженный большой толпой светских посетителей. «То, что тебя отец архимандрит хвалил, — ответил с деланным раздражением старец, — это ж понятно, это этикет такой. Он при дворе бывал в Петербурге, а ты-то уши развесил...» Потом старец стал мерить его своим посохом и сказал: «Ты просто длинный, а не

большой и не великий...» — и так прошерстил молодого инока, что тому показалось, что грешнее его во всем мире не найти. Когда он отошел, старец объяснил окружавшим его: «Пришлось поругать. Молодой, ревностный, образованный... Долго ли превознестись?» Так старец всеми силами хранил своего ученика от превозношения, зная, насколько оно разрушительно.

— А есть ли свидетельства о том, что старец Анатолий действительно был великим молитвенником, что он выделялся из всей братии?

— Прохождение молитвы Иисусовой — дело сокровенное, очень личное и по необходимости скрывается от других, поскольку можно из-за славы, из-за обнаружения своего подвига все потерять. Но со временем становится ясно, кто в монастыре более серьезно в Иисусовой молитве упражняется, это по внешнему виду даже определить можно. Учить молитве отца Анатолия начал старец Макарий, но потом передал его в руководство молодому отцу Амвросию. Это был удивительный союз двух душ, двух подвижников. Преподобный Амвросий словами Исаака Сирина говорил, что «отцу Анатолию

Рака с мощами прп. Анатолия Оптинского во Владимирском храме Свято-Введенской Оптиной пустыни

дана такая благодать, которая единому из тысячи дается». Имеется в виду из тысячи тех, кто усердно занимается молитвой. Для свитка на его иконе я выбрал изречение старца «Молитву Иисусову всеми силами старайся держать, она вся наша слава, вся краса, все утешение». Когда он начинал говорить или писать о молитве, его

слог словно взрывался от восхищения. И этот дух он умел передать другим. Молитва благоухала, как миро, в этом возлюбившем Христа сердце. Постоянное и сосредоточенное повторение этих нескольких слов или устная молитва, на которую понуждает себя человек, со временем уже не нуждается в произношении, но совершается лишь умом — становится «умной». Это происходит, когда чувства и мысли соединятся. Потом «сверлом Божиим» отверзается сердце, и ум, спускаясь туда вниманием, уже молится целиком там. В миру столько внимания отдать молитве почти невозможно, а в монастыре проще, тут и совет есть у кого спросить, поскольку высокая степень внимания привлекает и множество недоумений. Главное, дух зла подставляет множество подножек отовсюду. И если молитвенник выдерживает эти козни благоразумно и не превозносится, то молитва становится самодвижной, то есть сама начинает проговариваться в сердечной области, словно ручеек в лесу переливается и журчит. Вот тогда-то человек и познает, что такое вся слава, вся краса и утешение, которые молитва дает. И сам он ничего уже не желает, кроме этого богообщения. И если ты в этом раю мысленном

пребываешь годами, как старец Анатолий, Бог внимает каждому вздоху сердца. Человек, даже сам того не желая, становится чудотворцем. Рос отец Анатолий и по внешнему положению — после смерти преподобного Илариона (Пономарева) его поставили скитона начальником, а незадолго до смерти наградили саном игумена. Однако, ссылаясь на нездоровье, в Калугу на поставление в игумены он не поехал.

— Вы думаете, так старец уклонялся от славы?

— Старец Анатолий не раз отказывался от назначений в другие монастыри. Но это все по совету старца Амвросия. Да и здоровье у отца Анатолия было неважное. В житии описано, что он очень страдал от болей в спине. А когда мы обрели мощи старца, то увидели, что кости его позвоночника и вправду были намертво сросшиеся, по три-четыре позвонка вместе.

Главное, чего искал старец, — это смирение. Отец Макарий все время повторял: «Есть смирение — все есть, нет смирения — ничего нет». Очень интересный случай произошел, когда отец Анатолий посетил отца Иоанна Кронштадтского и вместе с ним служил Божественную литургию. Отец Иоанн, постоянно живший в чуде, поведал оптинскому подвижнику, что все время службы по обеим сторонам от него он видел двух ангелов. Старца, привыкшего во всем укорять себя, это повергло в глубокую скорбь: «Как же теперь смиряться?»

— А еще есть какие-то свидетельства о чудесах по молитвам старца?

Есть свидетельство монаха Тимона, который видел, как старец Анатолий поднялся на воздух во время молитвы. У современного человека это вызовет скорее скепсис, недоверие, а вот любовь, которую чувствовали все в этом старце, — это более понятно и, наверное, нужнее нам сегодня. Если мы обратимся к его житию, то найдем множество свидетельств о том, что старец обладал даром прозорливости. Он предупреждал своих духовных детей о грядущих неприятностях и болезнях, известны случаи исцелений по его молитвам. Часто в жизни избранников Божиих нет ярких фактов и необычных событий. Живет, молится, молится, ходит на службу — вот и все повествование. Но в сокровенности кельи происходит такая

Храм в честь Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в Иоанно-Предтеченском скиту (слева)

Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни — место, где зародилось оптинское старчество и где служил прп. Анатолий (Зерцалов) (справа)

схватка с диаволом за спасение душ, что нам это невозможно и представить.

В письмах Константина Леонтьева есть очень много теплых слов об отце Анатолии, который по благословию батюшки Амвросия читал некоторые романы Леонтьева и давал благословение на их издание. Леонтьев упоминает, что отец Анатолий был очень увлекающимся и искренним человеком, с искренней простотой и довольно эмоционально высказывал свои мысли, когда речь заходила о политических событиях того времени. Для меня это было несколько неожиданно. Да, старцы были живыми людьми. И недостатки у них могли быть, но привлеченная их стремлением к Богу благодать все преображала, человек становился «человеком Божиим», перед которым хочется упасть на колени.

— Какой урок дает нам — не только монахам, но и мирянам — преподобный Анатолий?

— Сердце, открытое Богу во внимательной молитве Иисусовой и благоговении и к людям в снисходительной любви, покрывающей немощи и вдохновляющей к духовному совершенству.

Елена АЛЕКСЕЕВА